

УДК 330.8(571.6)

Я. А. Барбенко

ОБ АЙСБЕРГАХ МЫСЛИ (об издании «Антология экономической мысли на Дальнем Востоке»)

Траектория развития научного знания не всегда прямолинейна, прибавьте к этому историю России, и вы получите множество неоконченных работ, невостребованных методов и неосмысленных результатов, которые, подобно айсбергам, скрывают свой потенциал и подлинную свою сущность. Выявление таких «айсбергов знания» является целью издания «Антология экономической мысли на Дальнем Востоке».

«Антология экономической мысли на Дальнем Востоке» обращает внимание исследовательского сообщества на достижения социальных наук до-революционной России¹. Разрыв преемственности развития социально-гуманитарного знания заставляет сегодня не только переоценить значимость теоретического наследия столетней давности, но и напрямую обратиться к работам с целью заимствования проверенных на практике методик, технологий, программ, идей.

Составители избрали жанр антологии, который кажется наиболее подходящим, сочетая в себе компактность изложения и возможность комментировать исследуемые в данном издании тексты — сосредоточить внимание читателя на самом важном в цитируемых работах. Каждый выпуск снабжен

© Барбенко Я. А., 2011

Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/10102.

¹ Автору известна работа сотрудников ИЭИ ДВО РАН «Экономические исследования на Дальнем Востоке России» [5]. Если она лежит в основе обсуждаемой Антологии, то хронологические рамки следует, безусловно, расширить.

развитым научным аппаратом, включающим предисловие, раскрывающее принципы подготовки и основные задачи выпуска, введение, ориентирующее читателя в контексте проблем, затрагиваемых в работе, комментарии к цитируемым трудам, список литературы, именной и предметный указатели.

Итак, рассмотрению подлежат три первых выпуска Антологии: «Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX—XX веков» (1), «Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой» (2) и «Амурская экспедиция 1910 года» (3).

Обосновывая нижнюю хронологическую планку исследования (работа Н. А. Крюкова, опубликована в 1896 г.), авторы введения к первому выпуску Антологии проводят границу «научного» изучения экономики Дальнего Востока по 90-м гг. XIX в. как времени начала «систематического изучения со стороны исследователей», а также времени подготовки научного осмысления практики русской колонизации Дальнего Востока (1, с. 9). Введение к первому выпуску Антологии включает очень интересный очерк изучения колонизации в России на рубеже XIX—XX вв., плавно перетекающий в обзор использованных в выпуске исследований. Отдавая должное авторам этого текста, необходимо отметить, что, обсуждая особенности изучения колонизации в России, дать законченное понятие колонизации они так и не смогли. Определение колонизации присутствует в предметном указателе, где заявлен прикладной подход к колонизации, конкретизирующий очень общие положения Леруа-Болье (1, с. 203).

Завершается введение первого выпуска удачной логической цепочкой, демонстрирующей естественность и необходимость научного изучения Приамурья на рубеже прошлого века: административно-политическое обособление Дальнего Востока от Восточной Сибири, взгляд на Дальний Восток как на мост в АТР, рост экономической роли Дальнего Востока в русской политике в Азии и на Тихом океане, трансформация транспортной инфраструктуры и вслед за ней — экономики Дальнего Востока, научные изыскания как закономерный этап динамичного развития дальневосточных территорий (1, с. 14—15).

Основная часть выпуска открывается работой Н. А. Крюкова «Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей» (1, с. 16—39). Опубликованные фрагменты данного сочинения, посвященного развитию крестьянского хозяйства, достаточно представительны для всей работы. Составители, пожалуй, переоценивают методологический уровень данной публикации Николая Абрамовича, находя здесь прогноз развития крестьянского хозяйства в Приамурье. На взгляд автора рецензии (историка), в данном случае это не прогноз, а констатация существующего положения дел, которая может быть использована как прогноз, но таковым не является. Известно, что средние сроки утверждения хозяйства

менялись в разные периоды истории Приамурья, в зависимости от степени развития территории и состояния самих переселенцев. Подлинная диверсификация хозяйства, как и в других регионах, была уделом зажиточных (то есть далеко не всех) крестьян.

Крюков приходит в целом к негативной оценке итогов и перспектив крестьянской колонизации Дальнего Востока, контрастируя в этом отношении с А. А. Риттихом, который в своем сочинении «Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае» (1, с. 48—75), отмечая близкие к указанным выше тенденции, более уверенно смотрит в будущее аграрной колонизации Приамурья. В связи с этим вызывает недоумение пассаж составителей в отношении мнения А. А. Риттиха о необходимости скорейшего введения «самоуправления в форме земства» (1, с. 80), ссылаясь на мысль автора о том, что рост крестьянского населения делает «желательным скорейшее введение крестьянских учреждений» (1, с. 102). Во-первых, очевидно несоответствие между земством и крестьянскими учреждениями, во-вторых, на рубеже XX в. в Приамурье предполагалось «...введение крестьянских чиновников или же возложение их обязанностей на переселенческих чиновников с увеличением... их числа, было бы весьма благотельно для крестьянской жизни» (1, с. 72).

Роль следующей работы — «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» (1, с. 81—117) — в общем замысле данного выпуска Антологии неоднозначна. С одной стороны, это явно компилятивный труд, составленный по имеющимся документам в недрах правительства: содержательно этот раздел очень часто пересекается с предыдущим (сочинением Риттиха); с другой стороны, имеет значение то, что это издание представляет официальный взгляд на проблемы русской колонизации Дальнего Востока и является элементом системы пропаганды крайнего Востока Русской империи, направленной как внутрь страны, так и за ее пределы.

Финалом и вершиной подборки текстов, вошедших в первый выпуск Антологии, стали сочинения А. А. Кауфмана. Первое из них, «Материалы по вопросу о колонизационной емкости Приамурского края» (1, с. 122—141), фиксирует результаты русской аграрной колонизации на 1901 г. Эта работа по уровню обобщения, выводам, используемым методам вполне соотносима с предыдущими сочинениями, комментарий к ней построен составителями главным образом на использовании позднейших работ данного автора. Несмотря на то, что сама по себе данная публикация представляет интерес с точки зрения истории, целесообразность ее включения в данный выпуск Антологии вызывает сомнения.

Второе сочинение Александра Аркадьевича, «Переселение и колонизация», является, безусловно, достижением русского социального знания на-

чала XX в. Опыт, горизонт мышления и эрудиция автора позволили ему дать общую картину колонизационного дела в России, оценку колонизации разных регионов страны, сделать неочевидные выводы. Составители Антологии указывают на то, что автор прослеживает и эволюцию региональной политики, сочетая анализ нормативных актов и фактов действительности, объясняя причины переселений, обосновывая прогноз колонизационных процессов и их последствий для экономики и России, и отдельных ее районов (1, с. 183).

Основной тезис, отстаиваемый автором «Переселения и колонизации», — неэффективность переселений на окраины страны как средства решения экономических проблем ее центра. Связано это и с ущербом местам выхода переселенцев, лишаящимся подчас дельных рабочих рук, и с ненужными трудностями колонистов на новых местах. В связи с последним хотелось бы отметить, что А. А. Кауфман негативно оценивает опыт русской колонизации Приамурья, указывая на «культурное бессилие, находящее себе выражение и в неумении приспособлять хозяйство к категорическим требованиям времени и места» (1, с. 177—178). Видимо, автор слишком строго судит русских, ведь в отношении азиатов он говорит о «многовековом приспособлении к местным условиям культурой» (1, с. 180).

Завершая обзор первого выпуска, хотелось бы отметить отсутствие заключения, которое позволило бы читателю увидеть в сжатом виде достижения русской экономической мысли на Дальнем Востоке рубежа XIX—XX вв., а составителям — наметить план второго выпуска как продолжения первого.

Второй выпуск посвящен исследованию сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой войнами (2). Составители продолжают курс на исследование подходов авторов прошлого к решению теоретических и практических задач исследования хозяйственного развития — от отдельного хозяйства до целого региона (2, с. 11—12).

Во введении ко второму выпуску составители Антологии демонстрируют как организационные, так и исследовательские возможности местной, дальневосточной науки. Содержательно второй выпуск включает материалы обследований крестьянских хозяйств Приморской области, проведенных в 1910—1913 гг. Эти исследования, как показано во вводной статье, отвечали потребностям нового этапа развития Приамурского края — формирования нового хозяйственного района с быстро растущей экономикой (2, с. 16).

Наконец, следует отметить больший, по сравнению с первым выпуском, публицистический задор второго выпуска, особенно его вводной части. Авторы введения обращаются к современности, ее научным, хозяйственным, организационным особенностям, чтобы показать, какими средствами решения разных проблем располагала наука столетней давности.

Интересна структура основной части второго выпуска Антологии. В фо-

кусе внимания составителей пять томов обследования крестьян, проводившегося в два приема: в 1910—1911 гг. (четыре тома результатов обследования хозяйства крестьян-старожилов) и в 1912—1913 гг. (том результатов обследования хозяйства крестьян-новоселов). Итак, мы имеем два автономных исследования, проводимых по сходной программе, это позволяет составителям сформировать для основной части выпуска три раздела: «О методологии и методике исследования сельской экономики», в котором представлены тексты из вводных (так сказать — теоретических) блоков обоих исследований; «Состояние и пути реформирования сельской экономики Приамурского края», в котором представлены описание и анализ хозяйства старожилов и новоселов Приморской области накануне империалистической войны; «Опыт качественного исследования сельской экономики», в котором частично, насколько позволяет жанр издания, даны наиболее характерные для Приморской области описания селений: условий хозяйствования, особенностей демографического и культурного развития, эффективности труда.

Комментируя методологическую часть, составители самостоятельно формулируют теоретические положения проведенного А. Меньшиковым с коллегами исследования, поскольку «в самих Материалах практически отсутствует систематическое изложение этих теоретических конструкций» (2, с. 69). Следует отметить, что в процессе реконструкции использовался широкий хронологический диапазон исследований — от 90-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. Учитывая, что развитие методологии, методики и общих подходов для составителей Антологии имеет значение, такое смешение эпох, по мнению рецензента, снижает познавательную ценность проведенной работы. Среди основных положений теории крестьянского хозяйства были отмечены следующие: 1) учет ситуативности крестьянского хозяйства, его жесткой связи с конкретными условиями существования; 2) системный характер хозяйства, а значит — и системность как необходимое условие его научного изучения; 3) учет территориальной составляющей крестьянского хозяйства (2, с. 71—72). Эти теоретические положения актуальны для крестьяноведения до сих пор [7]. Наконец, безусловное методическое достоинство исследования А. Меньшикова — его полевой характер (2, с. 86).

Растущая по мере развития социально-экономического знания концептуальность исследований сказывается в том, что и комментарии к описательным частям «Материалов по обследованию крестьянских хозяйств...» все более посвящены методологической стороне исследования. В частности, прослеживается связь между существованием двух групп факторов, определяющих развитие хозяйства крестьян-старожилов (внешних и внутренних причин), и двух экономических районов (промышленного и земледельческого), а многообразие среды влечет за собой многообразие типов хозяйства

(2, с. 115—116). В соответствии с методологией крестьяноведческих исследований составители второго выпуска Антологии отмечают, что прежде чем выносить суждение о состоянии хозяйства новоселов, опираясь на новые нормы наделения землей, необходимо рассмотреть все факторы, влияющие на новосельческое хозяйство. И тут обнаруживается, что во многих отношениях новоселы оказываются в лучшем положении, чем старожилы — имеется в виду наличие в «новосельческую эпоху» хозяйственной инфраструктуры, хозяйственного опыта, накопленного старожилами, наконец, сами переселенцы-новоселы не были строго ориентированы на земледелие, а значит, одной величиной надела их положение и поведение адекватно не объяснить (2, с. 189—194).

Опыт качественного исследования крестьянской экономики, по мнению составителей второго выпуска Антологии, остается актуальным до сих пор, по крайней мере, для исследователей. Добротная методика столетней давности, по причине сохранения объекта изучения (сельских поселений), может быть использована для проведения ретроспективного анализа, при разработке региональных стратегий (2, с. 259).

Второй выпуск Антологии обрывается так же внезапно, как и первый — по причине отсутствия заключения, сводящего все линии рассуждения авторов цитируемых текстов и их комментаторов.

Третий выпуск Антологии, «Амурская экспедиция 1910 года» (3), посвящен выявлению роли второй Амурской экспедиции в развитии экономической, шире — социальной, мысли на Дальнем Востоке, оценке организационного и теоретического уровня научных, как теоретических, так и прикладных, исследований в Приамурье на закате Российской империи. Составители Антологии стремятся оценить избранные для объекта анализа тексты под углом: а) организации междисциплинарных исследований, выполненных под конкретный инфраструктурный проект в рамках обширного и разнообразного по социально-экономическим и природным условиям региона; б) методологии и методики исследования отраслевых проблем в рамках изучения экономики региона и в) опыта комплексного исследования экономических проблем внутрирегионального уровня (3, с. 11). Перед нами очевидная попытка выявления практического опыта организации прикладного исследования.

Вводная часть третьего выпуска раскрывает общий замысел Амурской экспедиции и дает краткий обзор многотомных трудов, изданных по результатам ее деятельности. Главная задача экспедиции — исследовать колонизационные возможности Приамурья, но в сущности — дать оценку перспектив смены стратегии развития региона от аграрной к индустриальной (3, с. 14—15). Среди результатов экспедиции составители Антологии отме-

чают разработку, так сказать, алгоритма проведения предплановых исследований, однако о формулировании колонизационного плана (что изначально закладывалось в проект) и формировании постоянного исследовательского органа на базе временной Амурской экспедиции (на что надеялись ее участники) говорить не приходится (3, с. 30). Не достигнув всех целей, организаторы экспедиции оставили нам значительный опыт организации масштабных многопрофильных комплексных исследований в неблагоприятных для такого рода мероприятий условиях.

Основной раздел выпуска включает три части: «Методология, методика и организация исследования экономики региона», «Из опыта исследования отраслевых проблем экономики региона» и «Исследование проблем местной экономики». Таким образом, ведомые составителями данного выпуска Антологии, мы последовательно спускаемся от общих организационных и познавательных проблем социального знания начала XX в. к конкретным методикам и результатам. Колонизация и развитие любых территорий невозможны без надежной информационной поддержки. Отсутствие достоверных знаний о территориях края первые десятилетия заставляло дальневосточную администрацию смотреть на самоволие русских переселенцев и пришельцев из Китая сквозь пальцы — возможности управления колонизацией были крайне ограничены [4, с. 102—103]. Одним из средств преодоления такой ситуации и является «приведение в известность» Приамурья в рамках Амурской экспедиции.

Высокая административная и политическая поддержка экспедиции со стороны государства (3, с. 91), безусловно, положительно сказалась на организационной стороне исследования. Концептуальная экспертиза программы метеорологических наблюдений видными учеными в центре (3, с. 94), экспертиза программы обследования скотоводства на месте (3, с. 92) позволили поднять уровень разработки, однако известны и недостатки — несмотря на многоступенчатую структуру исследования, его программа не была протестирована, что, в результате корректировки на ходу, привело к недобору информации по объекту исследования (3, с. 102—103). Приамурье является объектом научного интереса русских с середины XIX в., однако исследования, проводимые в течение второй половины XIX в. — начале XX в., можно охарактеризовать как отраслевые, «исследования, выполненные в рамках Амурской экспедиции, можно рассматривать как первую попытку комплексного исследования территориальных природных комплексов, имеющих целью определение не только колонизационной емкости, но и наиболее рациональных способов использования потенциала конкретных ландшафтов» (3, с. 96). Последние слова цитаты можно интерпретировать как попытку связи естественных и социальных исследований, что усиливает междисциплинарный, комплексный характер Амурской экспедиции.

Открывает третий выпуск Антологии текст Н. Л. Гондатти и В. Ф. Романова «Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год» (3, с. 33—62). Общий план Отчета — стремление обосновать системную, сбалансированную политику развития приамурских территорий, продемонстрировать иногда неочевидные связи между различными сферами жизни региона, когда активное развитие одной из отраслей хозяйства области является необходимым условием становления другой.

Обобщая опыт работы В. И. Рубинского «Опыт учета колонизационной емкости Приморской области» (3, с. 63—70), составители отмечают нетрадиционный для экономических исследований метод районирования (3, с. 100—101), особенность подхода Рубинского заключается в признании необходимости соответствия колонизационной политики особенностям колонизируемой территории, а значит, дифференциация пространств дальневосточных областей должна выстраивать дифференциацию отношения властей к переселенцам. В ряду основополагающих документов Амурской экспедиции внимание составителей привлекли «Программы экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства в Амурской области в 1910 году» (3, с. 71—90). Проведенное в рамках экспедиции обследование земледельческого населения Амурской области оказалось уникальным, с одной стороны, по причине уникальности ситуации самих амурских земледельцев, что требовало особых методов, а с другой — по причине использования многоплановых методик, что позволило решить сложные исследовательские задачи (3, с. 101—104).

Во второй части третьего выпуска Антологии представлен анализ состояния отдельных отраслей экономики Приамурья: сельского хозяйства, промышленности, торговли и транспорта. Работа И. Ф. Крюкова «Земли района Амурской железной дороги» посвящена рассмотрению возможностей земледельческой колонизации в связи с сочетанием природных и социальных условий региона (3, с. 107—128). Составители Антологии фиксируют наше внимание на обосновании Крюковым колонизационной емкости края, складывающемся из оценки степени и особенностей влияния естественно-исторических, экономических факторов и возможностей государства по управлению колонизацией в Приамурье. Автор призывает государство занять более активную позицию в данном вопросе.

Сочинение С. П. Шликевича «Колонизационное значение земледелия в Приамурье» (3, с. 129—153) продолжает линию И. Ф. Крюкова на обоснование более активной политики государства по развитию промысловой и промышленной колонизации Приамурья. Автор указывает на относительно неэффективность традиционных путей русской колонизации, а именно — крестьянской или, шире, земледельческой колонизации по сравнению

с колонизацией промышленной. Природа преимущественно крестьянской колонизации окраин России может быть объяснена с помощью концепции адаптивного значения культурного полиморфизма [4]. Таким образом, ратуя за промышленное развитие «колонии, отдаленной и богатой», Шликевич вел к более широким перспективам развития страны.

Исследование А. Н. Митинского «Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке» (3, с. 154—200) посвящено регулированию рынка продовольствия и развитию промышленности, а в связи с ними — финансов, транспорта и образования. Рассматривая пути решения проблем развития данных отраслей в Приамурье, Митинский дает простой ответ: ключ к решению многих проблем — усиление русской колонизации, как земледельческой, так и промышленной, в результате чего будет спадать острота хлебной зависимости от Маньчжурии, замещаться «желтый» труд русским в промышленности и сельском хозяйстве, развиваться русский капитал в Приамурье.

Третья часть третьего выпуска Антологии включает работы относительно узкой тематики. Первая принадлежит перу В. А. Закревского — «Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях» (3, с. 213—228). Отсутствие земской администрации и наличие земского хозяйства — показательная «диалектическая» черта и без того сложно устроенного в начале XX в. Приамурья. Интерес представляет суждение автора о разобщенности дальневосточников и съездах общественных представителей, а затем и земствах как средстве преодоления этой разобщенности в целях интенсификации русской колонизации Приамурья (3, с. 225—226). Хабаровские съезды «сведущих людей», организованные в интересах местной власти, являются в свете общественной консолидации хорошим примером, однако Закревский идет дальше, стремясь сделать приамурские земства органом не группового, а территориального объединения.

Последний текст В. Ф. Романова «Нужды Николаевского района Приморской области» (3, с. 229—264), имея узкую локализацию объекта исследования, тем не менее поднимает особо значимые для Дальнего Востока, и не только, вопросы. В частности — вопрос равномерного, сбалансированного развития; причем автор ставит проблему сбалансированного развития в общем смысле, выходя за пределы экономики. Так, активное развитие экономики Нижнего Амура в двух рубежных десятилетиях XIX и XX вв. в связи с рыбодобычей и невиданный с 1850-х гг. масштаб притока населения остро ставят проблему административного, социального и других аспектов развития района, находящегося в застое с 1870-х гг. Составители Антологии видят ценность данного сочинения в комплексном описании конкретного

экономического района (3, с. 267). В целом же работа Романова находится в концептуальных рамках исследований экспедиции.

Завершая рассмотрение третьего выпуска Антологии, можно отметить, что входящие в него работы достаточно представительны для обзора исследований, проведенных в рамках Амурской экспедиции 1910 г., планов, концептуального аппарата, результатов. Выпуск снабжен стандартным для серии научным аппаратом. Наибольшее недоумение, как и в предыдущих выпусках, вызывает нежелание составителей делать заключения. Собственно говоря, о самой экспедиции сказано было уже достаточно, вероятно, проделанная в рамках экспедиции работа была востребована в той или иной форме, имела какие-либо продолжения — все это можно было поместить в заключение выпуска.

Несмотря на высказанные замечания, и составителей, и все исследовательское сообщество Дальнего Востока можно поздравить с новым изданием. Заслуга составителей Антологии состоит в том, что они по-другому смотрят на уже известные тексты: то, что раньше представлялось как источник исторической информации, а в свое время — как объект снисходительной критики, оказалось современным, вполне актуальным, применимым в современных условиях знанием, способным обогатить не только сведениями о прошлом Дальнего Востока, но и принести новые идеи. Хочется надеяться, что работы, опубликованные в трех выпусках Антологии, помогут вернуть в научный оборот труды по региональной экономике и имена их авторов, что в определенной степени позволит компенсировать пробел в теоретической подготовке специалистов различного профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX — XX веков / Отв. ред. П. А. Минакир; Росс. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2008.

2. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой / Отв. ред. П. А. Минакир; Росс. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2009.

3. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 3. Амурская экспедиция 1910 года / Отв. ред. П. А. Минакир; Росс. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010.

4. *Барбенко Я. А.* Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в.: дисс. ...канд. истор. наук. Владивосток, 2010.

5. *Минакир П. А., Демьяненко Н. А., Рензин О. М., Шейнгауз А. С.* Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3—4.